

ПУШКИНСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. БАГРИЦКОГО

Вс. Азаров

Эдуард Багрицкий был и остается одним из признанных, любимых учителей поэтической молодежи. Это можно объяснить не только несомненным обаянием его мужественной поэзии, но и тем, что Багрицкий был горячим пропагандистом классического наследия. В его чтении стихи Пушкина, Языкова, Баратынского приобретали новую силу, особую яркость, казалось, что он читает не чужие строки, а свои.

К Пушкину у Багрицкого была давнишняя любовь.

Свое детство Багрицкий провел на берегу Черного моря, в Одессе.

К самому бульвару подступает в Одессе шумящее море, на корабли и на волны глядит черный, бронзовый Пушкин.

Лучшая, широкая и тенистая улица Одессы носит его имя.

С именем Пушкина связана вся поэтическая биография Багрицкого, его приход к революции. В ранних своих стихах Эдуард Багрицкий был в плену у романтики старого мира, он говорил о себе — „я ненавидящий современность, ищущий забвения в математике и истории“ („Гимн Маяковскому“). Но от этих стихов, датированных 1915 годом, тянулась невидимая нить к написанным уже после революции „Стихам о поэте и романтике“. Романтика обращалась к поэту со словами:

Я в эту страну возвратилась опять,
Дорог на земле для романтика мало,
Здесь Пушкина в сад я водила гулять,
Над Блоком я пела и зыбку качала...

Багрицкий стоял на распутье: одна дорога влекла его в тьму Брэнгельских рощ, в ночные леса, над которыми кружится нетопырь, другая дорога была путем революции. Не сразу поэт избрал верную дорогу. В нашем распоряжении имеется красноречивый поэтический документ, при внимательном разборе которого можно установить, как формировалось поэтическое сознание Багрицкого, какую роль играл в этом сложном процессе Пушкин. Этим документом являются два варианта стихотворения „Горячий месяц тлеет на востоке“, посвященного Пушкину. Шесть исторически решающих лет легли между этими вариантами, первый из которых опубликован в 1923 году, второй — в 1929. В первоначальной редакции вступительные строки звучали так:

Горящий месяц светит на востоке
Над горечью деревьев, звезд и скал.

Багрицкий был приверженцем реализма в поэзии, его не могли удовлетворить такие образы, как „горящий месяц“, „горечь звезд“. Он преобразил эти строки:

Горячий месяц тает на востоке
Над одиночеством пустынных скал.

В первой редакции стихотворение властно пронизывала идея отрешения, противопоставления поэта окружающему миру.

Багрицкому казалось тогда, что на земле мало дорог для романтики и для него, „последнего пасынка“ этой романтики, уволенной за выслугой лет.

И нам, мечтателям, донные любви
Певучих рифм размеренный поход,
И негритянские, большие губы
И скулы, выдвинутые вперед,
Умчались романтические бредни
И день идет, нахмурясь и суров,
И ныне я, твой пасынок последний,
Блуждаю средь пустынных берегов.

В 1929 году, спустя три года после написания „Думы про Опанаса“, в год написания „Стихов о себе“, Багрицкий выбросил из стихов о Пушкине снятую самую жизненно строфу о пасынке, не понадобилось ему больше и слово „мечтатель“. Строки зазвучали по-иному:

И мне, прохожему, донные любви:
Студеных волн ямбический поход,
И негритянские большие губы,
И скулы, выдвинутые вперед.
И на бульваре,
У скамьи железной,
Мне кажется:
Ты смотришь сквозь туман,
Как из Италии, тебе любезной,
Плывет судов крылатый караван...

(Последняя строфа в первом варианте отсутствовала.)

Особенно разителен контраст между концовками двух редакций.

Я не снесу трагического груза,
Чернила высохли и рифмы нег,
Прости меня, классическая муза,
Я опоздал на девяносто лет.

Это было естественно для тогдашнего мироощущения поэта. Но революция позвала за собой мечтателя, вдохнула в него новые силы, заставила почувствовать себя современным, сделала соратником чекистов, механиков, рыбоводов... И тогда воля победоносного класса прозвучала в его стихах как труба, зовущая в бой.

Полай же мне, классическая муза,
Уроненный когда-то пистолет.

Так мог написать только поэт, рожденный революцией.

Не случайно, что в стихотворении „Пушкин“, датированном 24-ым годом (И Пушкин падает в голубоватый, колючий снег...), Багрицкий уже говорит от имени победителей. Во весь голос обращается он к генеральному певцу, прославившему в век Радищева свободу.

И мне ль, обученному, как надо
Писать стихи, из трехлинейки бить.
Убийцам этим не найги награду,

За кровь проливаю не отомстить
 Я мстил за Пушкина под Перекопом,
 Я с Пушкиным шатался по окопам,
 Покрытый вшами, голоден и бос.
 И сердце келотилось безотчетно,
 В глазах светлело, ветер налетал,
 И в плеске пуль, сквозь голос пулеметный
 Я вдохновенно Пушкина читал.
 Идут года дорогой неуклонной,
 Клокочет в сердце песенный порыв.
 Цветет весна.
 И Пушкин отомщенный
 Все так же сладостно вольнолюбив.

В те годы, когда Владимир Маяковский писал окна Роста, Багрицкий сотрудничал в письменных и устных выпусках Югросы, работал в революционной газете „Моряк“.

Это была газета матросов и поэтов, исследователей и революционеров. В „Моряке“ сотрудничали Паустовский, Багрицкий, Славин. Бобель печатал в ней свои одесские рассказы. Перечитывая сейчас комплект этой газеты, погружаешься в особый мир. Кажется, что поскрывают снасти, море ударит в борта, капитан Стивенсон и лейтенант Нимитц стоят на озаренной солнцем палубе.

Произведения Эдуарда Багрицкого, напечатанные в „Моряке“ (два из них приведены выше), поражают нас особенно сильным пушкинским звучанием стиха. В стихотворении, помещенном в сотом, юбилейном номере „Моряка“, Багрицкий писал:

В океаническом просторе,
 Где гулких волн разбег широк,
 Простой и пламенный листок,
 Ты радость зажигал во взоре ..

 И вот окончен грозный груд,
 Свободное бушует море,
 И вольности российской зор
 Над темной пропастью цветут.

Очевидна преемственность этих строк от пушкинских стихов, посвященных Чаадаеву.

Багрицкий хотел, чтобы стихи его, обращенные непосредственно к массовому читателю, были этому читателю понятны. Именно поэтому стал Пушкин лучшим учителем Багрицкого. Багрицкий, пройдя искусство безграничного подчинения Пушкину, сумел претворить в своем творчестве влияние классики, осознать свою поэтическую индивидуальность и воплотить ее в широко известных, любимых нами стихах.

В декабре 1932 года Багрицкий в последний раз приехал в Ленинград.

Багрицкий, наперекор болезни, читал стихи в многолюдной аудитории молодежи. Астма душила поэта, он уезжал из Ленинграда больным.

Инбер, выступавшая вместе с Багрицким, рассказывает в своих воспоминаниях:

„... внезапно из темноты, из колесного гула, возник голос. „Я помню чудное мгновенье“, задыхаясь, негромко читал Багрицкий, смертельно больной, страдающий от бессонницы и удушья, поэт, он звал на помощь поэзию“.

ПУШКИНУ

(1-я РЕДАКЦИЯ СТИХОВ
Эдуарда Багрицкого)

Горящий месяц светит на востоке,
Над горечью деревьев, звезд и скал...
... Здесь он стоял, здесь веял плащ широкий,
Здесь Байрона он нараспев читал,
Здесь в сизом голубином оперенье
И ночь, и море стлались перед ним...
Тайком, тайком приходит вдохновенье,
Проникнет в сердце и уйдет, как дым!
Тайком, тайком приходит вдохновенье,
Ударит в сердце, и в глазах сверкнет...
... Волна и ночь в размеренном движеньи
Слагают ямб и этот ямб поет,
А за спиною город говорливый,
Платаны, тополи и огоньки.
Он говорит. И ветер суетливый
Слова разносит в скалы и пески.
И с этих пор, кто бродит берегами
Средь низких лодок и пустых песков,
Тот слышит взглядом и ушами
Раскат и россыпь пушкинских стихов.
И в каждую скалу проникло слово,
И плещет слово меж плотин и дамб.
Волна бежит и убегает снова
И в этом беге закипает ямб.
И нам, мечтателям, доныне лобы
Певучих рифм размеренный поход,
И негритянские большие губы,
И скулы, вывинутые вперед.
Умчались романтические бредни
И день идет, нахмурясь и суров,
И ныне я, твой пасынок посл дней,
Блуждаю средь пустынных берегов.
Теся среди воинственного гула
Я приносил в тревогах и боях,
Твоя, твоя мне пела Марнула
Перед костром, в покинутых степях.
Я не снесу трагического груза,
Чернила высохли и рифмы нет,
Прости меня, классическая муза,
Я опоздал на девяносто лет.

ПУШКИН ОБ ОДЕССЕ ¹

Любезный Пушкин, твое описание —
грамма на бессмертье нашего города.
Туманский.

I

Еще во время почти трехлетнего пребывания в Кишиневе Пушкин, пользуясь снисходительностью своего начальника Инзова, иногда бывал в Одессе, и этот „уголок Европы“, бойкий и пестрый, наряду с азиат-

¹ Эта статья напечатана в пушкинском номере литературного приложения к одесской газете „Известия“ (1923 г. 15/VII), посвященном столетию годовщины со времени пребывания Пушкина в Одессе.

ской бессарабской жизнью внушал поэту симпатию и надежду, надолго переехав в город, облегчить свое изгнание. И, наконец, когда с помощью А. И. Тургенева Пушкин оказался в Одессе, благодаря Тургеневу за участие, он писал ему, что только сейчас, слушая шум прибоя и блуждая в тихом свете фонарей и звезд, чувствует себя много лучше.

„Надобно мне провести 3 года в душном азиатском заточении, — писал Пушкин, — чтобы почувствовать цену и не вольного европейского города“. Почти в то же время в письме к Л. С. Пушкину (25 августа 1823 г.) поэт говорил: „...Оставил мою Молдавию и явился в Европу — ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей богу обновили мне душу...“

Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни. Впрочем, я нигде не бываю — кроме в театре“.

Итальянская опера, бывшая тогда в Одессе, увлекала поэта, и он всегда отзывался о ней с восторгом: „Россини и итальянская опера! — писал Пушкин Дельвигу, — боже мой, это представители рая небесного!“ А в 1823 году Пушкин опять писал неизвестным дамам: „Приезжайте, неба ради! У нас есть для вас приманка: балы, итальянская опера, вечера, концерты“.

Одесса не походила ни на один из русских городов — это была вольная гавань, и в городе торговля пряностями, вином и любовью мешалась со скромными как подсолнух тихими улицами окраин. Неудивительно, что во всех своих письмах того периода (1823—4) Пушкин подчеркивает этот меркантильный дух города. Одесса жила Западом и Ближним Востоком, и даже русская столичная литература проникала сюда с трудом: ею никто не интересовался.

В письме к П. А. Вяземскому (14 ноября 1823 г.) Пушкин отвечал по поводу его, Вяземского, статьи — жалел о невозможности прочесть ее: „Одесса — город европейский — вот почему русские книги здесь не водятся“.

Пушкин досадовал, что не был в Одессе в разгар освободительного движения Ипсиланти. Уже после первого своего посещения Одессы Пушкин писал неизвестным лицам: „...в Одессе я уже не застал любопытного зрелища. В лавках, на улицах, в трактирах — везде собирались толпы греков: все продавали ни за что свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войска счастливица Ипсиланти“.

И уже тогда Пушкин отзывался об Одессе как об исключительном городе: „скоро оставлю благословенную Бессарабию, есть страна благословеннее“ (Дельвигу, 1821); „с радостью приехал в Одессу, побеседовать с вами и подышать чистым европейским воздухом“ (Тургеневу, 1823).

Прожив в Одессе лето и осень 1823 года, Пушкин отметил недостатки города уже в письме к тому же Тургеневу (декабрь, 1823), называя Одессу „прозаической“.

Самое полное и лучшее описание города — это XVII—XXVII строфы стихов о странствовании Онегина:

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный

Свои подьмлет паруса;
 Там все Европой дышит, веет,
 Все блещет югом и пестреет
 Разнообразием живой.
 Чьяк Италии златой
 Звучит по улице веселой,
 Где ходит гордый славянин,
 Француз, испанец, армянин,
 И грек, и молдаван тяжелый,
 И сын египетской земли,
 Корсар в отставке, Морали.

.
 Глядишь — и площадь з пестрела,
 Все оживилось; здесь и там
 Бегут за делом и без дела,
 Одишко больше по делам.
 Дитя расчета и отваги,
 Идет купец взглянуть на флаги,
 Проведать, шлют ли небеса
 Ему знакомы паруса?
 Какие новые т вары
 Вступили нынче в карантин?
 Пришли ли бочки жданных вин?
 И где чума? и где пожары?
 И нет ли голода, войны,
 Или подобной новизны?

.
 Но уж темнеет вечер синий;
 Пора нам в опе у скорей:
 Там упоительный Россини
 Европы баловень — Орфен.
 Не немца критике суровой,
 Он вечю тот же вечю номай,
 Он звуки льет — они капят,
 Они текут, они горят.
 Как пенелу и молодые
 Все в неге, в пламени любви,
 Как зашипевшего аи
 Струя и брызги золотые..

Так и отдыхал Пушкин от тяжести кишиневского заключения. К большинству окружающих его людей поэт относился с глубокой симпатией, и пестрые толпы тогдашней Одессы вызывали у него понятный интерес (Морали, Туманский, негодичант Сихар, в доме которого поэт любил бывать, Ризнич, М. Лонгинов, австрийский консул Том). Но многочисленные поклонники Пушкина вызывали нарекания губ(ернатора) Воронцова. „Будучи экзальтированными поклонниками его поэзии, — писал губернатор, — они думают выразить этим свою дружбу и оказывают услугу приятелю, способствуя его самоувлечению и убеждая его, что он выдающийся писатель“.

Пушкин вынужден опять уединиться в Кишиневе, но Одесса навсегда оставила в нем приятные о себе воспоминания, и, скучая по Одессе, Пушкин уже в 1824 г. писал Д. М. Княжевичу из Кишинева: „Здесь нет ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы“...

Эд. Багрицкий.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Ж У Р Н А Л

Я Н В А Р Ь • 1 9 3 7

1

ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“